

72(с63)

С-60

Жилище эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи.

А. Солодовниковъ.

Оттискъ изъ „Врем. Эстл. губ.“ кн. II.

Ревель, 1895 г.

Типографія Наслѣдниковъ Линдфорса.

8635

Дозволено цензурою. Ревель, 3-го Августа 1895 г.

2 1971

2 1971.

72 (с 63)
С-60

ИЗ КНИГ
С.И. Григорова

72/Н/
С 60

Солодовников А

Жилище эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи*).

Жителю средней полосы Россіи, проѣзжающему по Эстляндіи, неминуемо должно броситься въ глаза рѣзкое отличіе общаго характера древне-эстонской деревни отъ великорусской, гдѣ избы, вытянувшись двумя линіями по дорогѣ, обращены на улицу своими фасадами и чуть ли не всѣми окнами. Очень немногочисленныя постройки эстонской деревни разбросаны, лежатъ въ беспорядкѣ; фасады и окна ихъ выходятъ на дворъ, а заборъ и глухія стѣны на улицу. Такой характеръ построекъ, сохранившійся, какъ переживаніе болѣе древняго типа, встрѣчается не у однихъ только эстонцевъ, онъ общъ какъ всѣмъ финскимъ народностямъ, такъ и нѣкоторымъ другимъ племенамъ, не ушедшимъ далеко впередъ въ своемъ культурномъ развитіи. Въ любой вотской деревнѣ, на примѣръ, можно встрѣтить**) много избъ, окна которыхъ выходятъ на дворъ, а на улицѣ сплошь да рядомъ видны лишь высокія бревенчатыя стѣны избы или

*) Прилагаемая статья вызвана желаніемъ пополнить до извѣстной степени существующій въ этнографической литературѣ объ эстахъ пробѣлъ. Въ то время какъ по исторіи жилищъ тавастовъ, кареловъ, волжско-камскихъ и сѣверныхъ финновъ существуетъ болѣе или менѣе подробныя указанія — жилища эстовъ до послѣдняго времени оставались въ тѣни. Это обстоятельство побудило насъ обратить особое вниманіе на тѣ переживанія древнихъ формъ жилища, которыя встрѣчаются до сихъ поръ или встрѣчались въ недавнее еще время у эстовъ, вслѣдствіе чего мы ограничивались исключительно этнографическими данными, оставляя въ сторонѣ санитарныя, экономическія и др. Свѣдѣнія, сообщаемыя нами, относятся только къ Эстляндской губ. и собраны нами во время нашей поѣздки туда въ 1892 г. Авт.

**) П. М. Богаевскій. „Очеркъ быта сарапульскихъ вотяковъ“. Стр. 37. (Помѣщ. въ Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ. Вып. III.)

7
БИБЛИОТЕКА
№ 1971
Кл. 22

24 НОЯ 2009

ПРОВЕРЕНО

клѣти. Нерѣдко, когда на улицу выходитъ клѣть, то такъ какъ окна вырубаются чаще лишь въ избѣ, они выходятъ далеко во дворъ. У черемисовъ изба помѣщается въ глубинѣ двора, а вокругъ нея*) стоитъ множество амбаровъ, лачугъ, клѣтей для лѣтняго жилья и для храненія всевозможныхъ запасовъ. Татарскія поселенія**) въ Казанской губ. представляютъ довольно жалкій видъ скученныхъ и загроможденныхъ построекъ, изъ коихъ главныя строенія стоятъ внутри ограды, а по улицамъ тянутся заборы съ воротами и калитками. Тутъ и тамъ встрѣчаются дома, построенные на улицу, но окна обращены по большей части внутрь двора.

Сохраненію переживанія этого типа построекъ у эстонцевъ

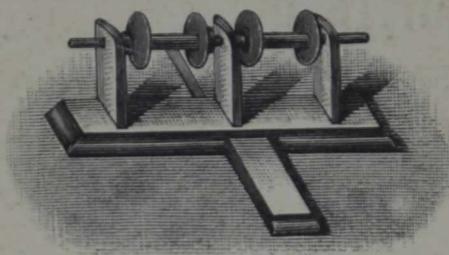

рис. Е. Шарко.

Вертняялгъ.

Для наматыванія нитокъ 2-хъ цвѣтовъ для пряжи,
им. Тайбель. Гапсальскаго уѣзда.

содѣйствовалъ до известной степени самый характеръ послѣднихъ. Въ теченіи долгаго періода времени угнетенный экономически эстонецъ замкнулся только въ интересы своей личности и своей семьи; онъ молчаливъ, сдержанъ, необщителенъ. Ему нечего смотреть на улицу, на дорогу, гдѣ проявляется чужая жизнь, чужіе интересы; отъ нихъ онъ загородился глухой стѣной и заборомъ, а на свой дворъ прорубилъ и окна, и двери.

Всматриваясь ближе въ постройки эстонской деревни, мы кромѣ этой черты, присущей всѣмъ строеніямъ, замѣчаемъ среди послѣднихъ большое разнообразіе. Если приложить научный критерій къ детальному обзору всѣхъ этихъ разнообразныхъ построекъ, то явится возможность составить болѣе или менѣе ясное представленіе о постепенномъ развитіи эстонскаго жилища.

Каковы были эти жилища въ древности — на это прямыхъ, непосредственныхъ указаній нѣтъ, но изъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются подъ рукою у изслѣдователей эстонскаго быта, можно воспроизвести довольно ясную картину первобытнаго жилья эстонцевъ и его видоизмѣненія до настоящаго типа.

Тацитъ въ своей „Germania“, въ приводимой ниже цитатѣ, которую многіе ученые относятъ къ финскимъ племенамъ, даетъ

*) Риттихъ. Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губ. Часть II, стр. 133.

**) Ibidem. Стр. 16.

такое описаніе быта послѣднихъ: — „Финны“*) — народъ очень дикій; бѣдность его поразительна; они не имѣютъ не оружія, ни лошадей, ни домовъ; трава составляетъ ихъ пищу, шкуры — одежду; земля служитъ для нихъ постелью. Вся ихъ защита стрѣлы, у которыхъ, за неимѣніемъ желѣзныхъ, они дѣлаютъ костяныя острія. Охотой занимаются, какъ мужчины, такъ и женщины; они отправляются вмѣстѣ и каждый имѣетъ свою часть въ добычѣ. Дѣти не имѣютъ другаго спасенія отъ дождя и дикихъ звѣрей, кромѣ шалаша изъ вѣтвей; тамъ укрываются и юноши и старики.“ — „Въ Тацитовскомъ описаніи финновъ, говоритъ Кастрень**), я не нахожу ничего, что не соотвѣтствовало бы тому представленію, которое я составилъ себѣ о прошлой жизни финновъ. Что они были бѣдны, питались охотой, жили въ шатрахъ, одѣвались шкурами и т. д., все это особенности, которыя, по всему вѣроятію, были свойственны нашимъ предкамъ во времена Тацита.“

Основываясь на словахъ Тацита, на мнѣніи Кастрена, а также на этнографическихъ данныхъ, которыя говорятъ, что у большинства народовъ первобытнымъ жилищемъ былъ шалашъ — можно а priori придти къ тому предположенію, что и эсты въ первобытную эпоху ихъ существованія обитали въ шалашахъ. Историческая аналогія въ свою очередь подтверждаетъ справедливость высказаннаго. У сѣверной отрасли финскихъ племенъ, у лопарей, встрѣчаются и доселѣ шалаша *k a t a*, которые имѣютъ конусообразную***) форму, дѣлаются изъ жердей, соединенныхъ наверху вмѣстѣ; остовъ покрывается лѣтомъ парусиной, зимой толстымъ войлокомъ; наверху дѣлается отверстіе для дыма. Внутри на перекладинѣ виситъ котелъ надъ очагомъ, огонь

рис. Е. Шарко.

Тулеялгъ

(Палка для лучинъ),
им. Тайбель.
Галсальскаго уѣзда.

*) „Fennis mira feritas, foeda paupertas; non arma, non equi, non pedites; victui herba, vestitui pelles, cubile humus: sola in sagittis spes, quas inopia ferri ossibus asperant. Idemque venatus viros pariter ac feminas alit; passim enim committantur partemque praedae petunt: nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffugium, quam ut in aliquo ramorum nexu contegantur; huc redeunt invenes, hoc senum receptaculum.“ — *Cornelii Taciti libri, qui supersunt. (Iterum recognovit Carolus Halim.) Tomus posterior. Lipsiae. 1864. Стр. 211. Caput. 46.*

**) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть 192. Стр. 166. — „О древней культурѣ западныхъ финновъ.“

***) Н. Харузинъ. „Русскіе Лопари“.

котораго никогда не тушатъ. Въ такомъ шалашѣ живетъ цѣлая семья подчасъ 5—7 человекъ.

Въ любомъ вотскомъ дворѣ*), гдѣ вотякъ невольѣ еще обрусѣлъ и отатарился, до сихъ поръ встрѣчается куа, куала — шалашъ для лѣтняго жилья — легкая постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявой крышей изъ драни; эту куа, куалу И. Н. Смирновъ считаетъ первичнымъ вотскимъ жильемъ, такъ какъ и въ вотскихъ преданіяхъ сказкахъ куа является единственнымъ жилищемъ человѣка. Въ пользу того-же предположенія, что куа или куала было первобытнымъ, древнимъ жильемъ вотяковъ говоритъ и описаніе г. Островскаго. „Куала***) въ лѣтнее и осеннее время имѣетъ назначеніе кухни; въ ней почти цѣлый день горитъ огонь; но куала вмѣстѣ съ тѣмъ считается мѣстомъ-священнымъ, потому что въ немъ совершается домашнее моленіе и иногда приносятся жертвы . . . По внѣшнему виду куала въ полномъ смыслѣ шалашъ, безъ потолка, съ землянымъ поломъ; свѣтъ проходитъ въ нее черезъ дверь и отверстіе въ крышѣ, которое служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для выхода дыма; въ серединѣ виситъ котелъ, въ которомъ варится пища.“ Г. Гавриловъ***)

рис. Е. Шарко.
им. Тайбель.
Гапсальскаго уѣзда.

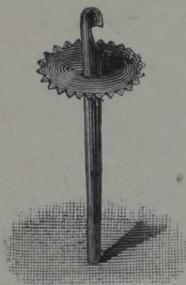

рис. Е. Шарко.

Кедерварь
(Старин. прялка),
им. Тайбель.
Гапсальск. уѣзда.

говоритъ, что у вотяковъ сохранились преданія, гласящія о томъ, что вотяки нѣкогда жили въ куалахъ, имѣющихъ теперь религіозное значеніе. Сосновскіе вотяки передавали г. Верещагину преданіе, что предки ихъ жили въ юртахъ въ родѣ шалашей изъ липовыхъ лубьевъ и хворосту. Черемисы†) лѣтомъ выселяются въ шалаша куда, — въ которыхъ и укрывается семейство до наступленія холодовъ. Остяки живутъ — говоритъ Мюллеръ (описаніе относится къ XVIII вѣку ††), въ маленькихъ шалашахъ, сложен-

*) И. Н. Смирновъ. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ Казань. 1890 г. Стр. 88.

**) Д. Островскій. „Вотяки Казанской губерніи“. Стр. 22—23.

***) Гавриловъ. Произведенія народной словесности вотяковъ. Казань. 1880 г.

†) Риттихъ. „Матеріалы для этнографіи Россіи“. Казанская губ. Часть II. Стр. 133.

††) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. Часть 192. Стр. 168.

ныхъ изъ вѣтвей. Они покрываютъ ихъ берестой въ защиту отъ дождя и снѣга. Вдоль стѣнъ есть особо устроенныя помѣщенія, гдѣ они спятъ. Посрединѣ устраивается очагъ, на которомъ жгутъ хворостъ. Кто путешествовалъ *) по сѣверной Финляндіи — пишетъ Альквистъ, тотъ не могъ конечно не замѣтить среди прочихъ построекъ одно небольшое строеніе, непременно встрѣчающееся какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе, всегда стоящее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ и подлѣ бани, имѣетъ коническую форму и сложено изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ и сосновыхъ кольевъ длиной отъ 8 до 12 аршинъ и толщиной въ нижнемъ концѣ отъ 4 до 5 дюймовъ. Тонкіе концы колевокъ сходятся къверху и чѣмъ-нибудь скрѣпляются, но такъ что образуютъ наверху отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ, — стало бытъ по срединѣ конической постройки, находится очагъ, обыкновенно сложенный изъ мягкаго плоскаго камня; на него кладутся дрова, между тѣмъ какъ надъ огнемъ, на крюкѣ, прикрѣпленномъ нѣсколько выше къ поперечной перекладинѣ, вѣшается чугунный котелъ. Съ боку находится входъ съ легкою, изъ тонкихъ досокъ сколоченною, дверью. Такое строеніе финляндскіе шведы называютъ *kölna*, а финны *kota* и служитъ оно теперь только кухней или прачешной, особенно въ теплое время года или въ такую пору, когда по какой либо причинѣ не хотятъ разводить огня на домашнемъ очагѣ. Между тѣмъ это древнѣйшій видъ жилища, въ коемъ финны искали убѣжища отъ холода и непогоды, какъ о томъ свидѣтельствуется слѣдующая финская поговорка: „древнѣйшей ловушкой было брюхо, древнѣйшей посудой — горсть, древнѣйшимъ жильемъ — *kota*.“ Въ сѣверо-восточной части земли тавастовъ по словамъ Реціуса**), а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у кареловъ встрѣчаются на различныхъ дворахъ постройки, которыя обратили особое вниманіе Реціуса и которыя онъ считаетъ переживаніемъ первобытнаго типа жилища. Эти постройки назывались самими финнами *kota* и встрѣчались на дворахъ и бѣдныхъ и богатыхъ крестьянъ; они находились по близости жилого помѣщенія, на разстояніи отъ нихъ максимумъ 100—200 футовъ, часто въ непосредственной близости отъ бани или коровьяго хлѣва; онѣ состояли изъ жердей толщиной отъ 10 до 20 сантиметровъ и длиной отъ 4 до 6 метровъ. Эти

*) Ibidem.

**) Gustav Retzius. Finland. (Schilderungen aus seiner Natur, seiner alten Cultur und seinem heutigen Volksleben.) Berlin 1885. Стр. 24.

жерди получались посредствомъ 4-хъ или 3-хъ кратнаго продольнаго разрѣза стволовъ молодыхъ сосновыхъ деревьевъ; вѣтки у нихъ были срублены, а кора оставлена. Жерди были поставлены въ кругъ діаметромъ отъ 2½ до 4-хъ метровъ другъ къ другу; ихъ нижній конецъ былъ воткнутъ въ землю. Верхніе концы ихъ были пригнуты другъ къ другу, отчасти такъ, что они перекрещивались. Такаго рода постройка имѣла коническую форму и высота ея равнялась приблизительно 1½ діаметру основанія. На верху конуса жерди на одной сторонѣ были нѣсколько раздвинуты, такъ что получалось достаточно большое отверстіе для выхода дыма; также внизу на одной сторонѣ стѣны находилось большое отверстіе, назначенное для входа. Но отверстіе иногда прикрывалось дверью изъ дощечекъ . . . Кота употреблялись въ качествѣ кухонь.

Переходя отъ этихъ аналогій съ другими финскими племенами къ эстамъ, мы видимъ, что и у нихъ въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія встрѣчалась на дворахъ подобная же постройка, употреблявшаяся въ качествѣ лѣтней кухни. Кухня у эстовъ, говоритъ Крузе*), состоитъ изъ еловыхъ балокъ, поставленныхъ вокругъ въ видѣ шалаша. Сопоставляя эстонское названіе этой кухни — *koda*, съ *kota* и, упоминаемой Ретціусомъ и Альквистомъ, съ *кудоя* черемисовъ, *куалой* вотяковъ, *като*й лопарей и помимо филологическаго сопоставленія, находя полнѣйшую однородность во внѣшнемъ видѣ этихъ построекъ — нельзя не признать, что эстонская *куда* — это та же самая *kota*, о которой упоминаетъ финская пословица, говоря, что она была древнѣйшимъ жилищемъ, что эта *куда*, въ качествѣ переживанія, встрѣчалась въ 40-хъ годахъ у эстонцевъ, какъ лѣтняя кухня и что прототипъ ея съ прямымъ своимъ назначеніемъ и до сихъ поръ встрѣчается у скандинавскихъ кочевыхъ лопарей въ ихъ *kata*.

Какой же типъ жилища явился въ преемственномъ развитіи вслѣдъ за *kota*? Такимъ типомъ, повидимому, слѣдуетъ признать землянку. Однимъ изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о финскихъ жилищахъ, дошедшихъ до насъ — является сообщеніе Ибнъ-Дасты (арабскаго писателя X в.). Онъ говоритъ, что

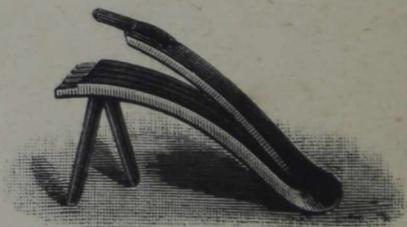

рис. Е. Шарко.

Лина-лугети

(Старинная машина для приготовления льна),
им. Тайбель. Гапсальскаго уѣзда.

*) Kruse. — Urgeschichte des estnischen Stammes. Стр. 380.

народы около болгаръ поселяются въ ямахъ, покрывъ ихъ деревянными крышами и присыпавъ сверху землю. Ибнъ-Даста имѣетъ въ виду волжскихъ болгаръ. Такъ какъ сосѣдями ихъ — „народами, живущими около нихъ“ — какъ и въ настоящее время были почти несомнѣнно финны, — то и ямы, покрытыя деревянными крышами и присыпанныя сверху землю, слѣдуетъ повидимому отнести къ одному изъ видовъ финскаго жилья, которое встрѣчалось у нихъ уже въ X вѣкѣ.*) — Ретціусъ, упоминая о древнѣйшихъ первобытныхъ жилищахъ финновъ, говоритъ, что у нихъ существовали землянки, называемыя *sauna*, представляющія изъ себя ямы, прикрытыя сверху крышами.**)

Устройство такого рода жилища было весьма простое; оно имѣло только два отверстія: одно для двери, другое для выхода дыма; по срединѣ *sauna* помѣщался очагъ, составленный изъ 2-хъ ничѣмъ не скрѣпленныхъ камней. *Sauna* не имѣла ни пола, ни окошка, потому что свѣтъ проникалъ черезъ открытую дверь, или черезъ дымовое отверстіе. Вотъ какъ описываетъ древнее пермяцкое жильё, со словъ самихъ пермяковъ, г. Добротворскій: — многіе рыли***) себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья на землю подсыпали сѣно. Нагрѣвались они при помощи „тепліны“, которая раскладывалась посерединѣ ямы . . . Характеръ такихъ подземныхъ жилищъ сохранился у пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, какія устраиваются для лѣсованія. Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямъ видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу рѣки Летьки. Видятъ ихъ въ большомъ количествѣ и въ сосѣдней Вологодской губерніи; тамъ онѣ встрѣчаются группами по 10 — по 15, представляя собою цѣлыя исчезнувшія селенія. Подобныя же постройки встрѣчаются очень

*) Retzius. Finland. (Schilderungen aus seiner Natur, seiner alten Cultur und seinem heutigen Volksleben.) Стр. 4.

**) Гейкель (A. O. Heikel: Die Entwicklung und Verbreitung der Bautypen im Gebiet der finnischen Stämme) выказываетъ предположеніе, что не у всѣхъ финскихъ народностей первобытнымъ жилищемъ являлись *kota*; онъ склоненъ думать, что у нѣкоторыхъ таковыхъ являлась землянка. Это мнѣніе Гейкеля стоитъ однако въ противорѣчій съ данными сравнительной этнографіи, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что землянка является почти всюду уже при переходѣ народа къ болѣе или менѣе прочной осѣдлости, тогда какъ шалашъ присущъ скорѣе бродячему и кочевому быту. Кромѣ того фактъ, что *kota*, т. е. шалашъ, въ томъ или другомъ видѣ извѣстенъ всѣмъ финскимъ племенамъ, не позволяетъ допустить предположеніе г. Гейкеля.

***) Добротворскій. — Пермяки. Вѣстн. Европ. 1883 г. III. стр. 234.

часто и у зырянъ и у остяковъ, про древнія постройки которыхъ такъ говоритъ „Описаніе новой земли, сирѣчь Сибирскаго царства (XVII в.)“ — „а живутъ*) въ лѣсахъ темныхъ; зимныя юрты деревянныя въ земляхъ, аки въ погребахъ отъ великихъ мразовъ.“ Въ окрестностяхъ Каяны и въ русской Карелии Кастрень видѣлъ, такъ называемые, лопарскіе курганы. Они**), по преданію, служили жилищами для лопарей, и въ самомъ дѣлѣ, они весьма похожи, какъ говоритъ Кастрень, на нѣкоторыя палатки видѣнныя имъ въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По рассказамъ такія крыши были нѣкогда на такъ называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Карелии. Въ этихъ курганахъ находили уголь,

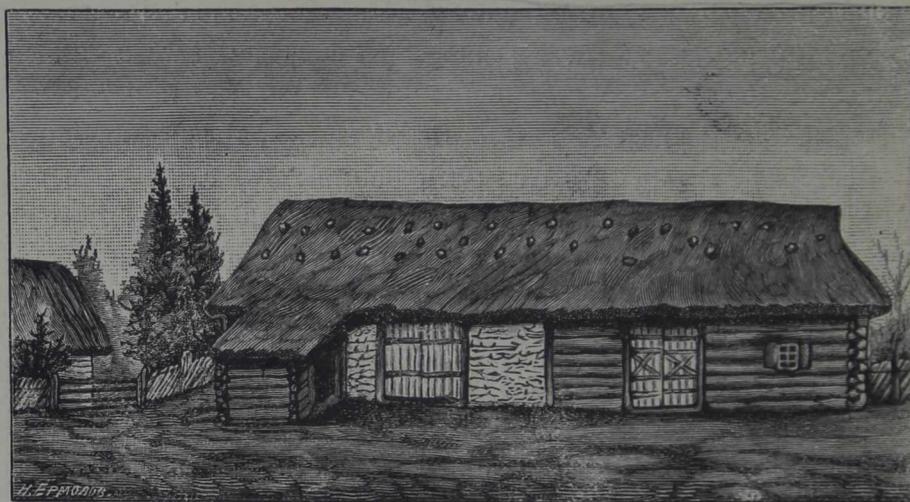

рис. А. Солодовниковъ.

Крестьянскій домъ въ имѣніи Кай. Ревельскаго уѣзда.

22) обожженные камни, разныя желѣзныя вещи и проч., что подтверждаетъ рассказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами. Въ русскихъ народныхъ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе объ этихъ землянкахъ; такъ одно преданіе говоритъ о томъ, что Чудь бѣлоглазая, — названіе, подъ которымъ почти повсюду слѣдуетъ разумѣть финскія племена, вступивъ въ борьбу съ русскими, потерпѣла пораженіе. Не желая отдаваться въ руки побѣдителей живыми, чудины забрались въ свои ямы-жилища, подрубили столбы; — крыши на нихъ падали и давили ихъ. По другому варианту того же преданія — побѣжденные чудины,

*) „Сибирь въ XVII в.“ М. 1890 г. стр. 73. (Пом. въ трудѣ Смирнова — „Вотяки“ стр. 127.)

**) „О древней культурѣ западныхъ финновъ“. Ж. М. Н. II. 192 т. Стр. 171.

обратившись въ бѣгство нарочно заманили русскихъ на чуть-возвышавшіяся надъ землею крыши своихъ жилищъ и, подрубивъ столбы послѣднихъ, погибли вмѣстѣ съ частью провалившихся искалѣченныхъ побѣдителей. Альквистъ*) указываетъ на то, что финны въ зимнее время жили въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ, надъ которыми, на поверхности земли возвышалась только крыша съ отверстіемъ въ родѣ волокового окна. Такія жилища, называемыя *sauna* — еще понынѣ встрѣчаются въ качествѣ переживанія у Угорскихъ финновъ; въ нихъ живутъ бѣдняки, у которыхъ нѣтъ ни оленьихъ шкуръ, ни войлока, чтобы покрыть ими *kota* на зиму. *Sauna*, будучи первоначально первобытнымъ жильемъ, съ теченіемъ времени подверглась видоизмѣненію и теперь уже такъ называютъ не землянки, а хижины,

рис. А. Солодовниковъ.

Крестьянскій домъ въ имѣніи Махтерсъ. Ревельскаго уѣзда.

наполовину врытыя въ землю и служація жилищемъ для рыболововъ и лѣсопромышленниковъ во время ихъ промысловъ. Въ такомъ же значеніи слово *sauna* встрѣчается и въ Калевалѣ. У эстонцевъ полуземлянка, полухижина также называется и до сихъ поръ *saunke*.

Тотъ фактъ, что землянка можетъ служить, наряду съ шалашомъ типомъ первобытнаго жилья финновъ приводитъ насъ къ заключенію, что и у эстовъ долженъ былъ существовать такой же видъ жилья; въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ филологическая однородность названія — *sauna* — *saunke*. Въ настоящее время *saunke* у эстонцевъ называется помещеніе, служащее иногда баней, иногда погребомъ, причемъ этотъ погребъ или баня по своему устройству повторяютъ типъ землянки. Это яма,

*) О древней культурѣ западныхъ финновъ. Ж. М. Н. П. т. 192. Стр. 170.

надъ которой, на поверхности земли возвышается очень небольшая часть стѣны и крыша, покрытая дерномъ.

Ни *kota*, ни *saunke* въ настоящее время больше уже не встрѣчаются у эстонцевъ съ бывшимъ прямымъ своимъ назначеніемъ — какъ жилище; въ большинствѣ мѣстностей онѣ исчезли и какъ переживаніе первобытнаго типа. То время, когда эстонцы покинули свои *kota* и *saunke* — опредѣлить трудно. Первый лѣтописецъ, у котораго мы встрѣчаемъ извѣстія объ эстонцахъ — Генрихъ Латышскій, (первая четверть XIII вѣка), говоритъ только о деревняхъ, ничего не упоминая о постройкахъ. Изъ этого умолчанія лѣтописца, можно, до извѣстной степени съ достовѣрностью заключить, что никакого особаго рѣзкаго различія среди жилыхъ строеній тогда не было, что всѣ они были однообразны и сводились вѣроятно только къ одному типу. Что этотъ типъ былъ уже ни *kota*, ни *saunke* — это можно какъ кажется констатировать, основываясь, на примѣръ, на слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописи Генриха Латышскаго. Въ 1222 году эстонцы возмутились противъ нѣмцевъ и захотѣли смыть съ себя крещеніе, которое имъ было насильно навязано. „И они вымывали водою“*) говоритъ лѣтописецъ, „свои дома (*domus* — въ подл. *Häuser* — въ нѣм. пер.) и замки (городища) и выметали ихъ вѣниками и думали такимъ образомъ совершенно уничтожить таинство крещенія во всѣхъ ихъ областяхъ.“ Такимъ образомъ у нихъ могли быть тогда уже бревенчатыя избы. Переходъ отъ *kota* и *saunke* къ избамъ едва ли былъ совершонъ эстонцами самостоятельно, безъ посторонняго культурнаго вліянія. Много данныхъ въ языкѣ финновъ, по словамъ г. Альквиста*), свидѣтельствуетъ что они не умѣли строить бревенчатыя избы, прежде чѣмъ не проникли до Балтійскаго побережья. Понятіе о плотничествѣ хотя и выражается самобытнымъ словомъ *salvaa*, но первоначальное и болѣе употребительное донинѣ значеніе этого слова — рѣзать. Съ другой стороны слово, которымъ нынѣ выражается понятіе о строеніи — *rakenta* — первоначально значило — составлять складывать въ кучу. Такова въ сущности и была постройка котъ. Еще болѣе вѣроятнымъ дѣлаетъ высказанное предположеніе, говоритъ г. Альквистъ, во первыхъ то, что стѣна бревенчатаго дома называется въ большей части западныхъ финскихъ языковъ, словомъ, заимствованнымъ изъ литовско-латышскаго и славянскаго и во вторыхъ — и это всего важнѣе —

*) Прибалтійскій Сборникъ т. I. Хроника Генриха Латышскаго. Гл. 26. § 8. Стр. 253

что самое жилище человека носить у западныхъ финскихъ народовъ названіе, усвоенное уже по прибытіи на Балтійское побережье — а именно *tupa*, *stopo* — отъ литовскаго *stabba* и славянскаго *истѣба*, *истопка* . . . Наконецъ третье названіе финскаго жилища есть *pirth*, вѣшское *pert* — комната, хижина или дымъ — въ смыслѣ обиталища; это же слово встрѣчается иногда въ значеніи бани; изъ чего объясняются слова *pirthe* — родильница и *pirtwaimo* — повитуха, такъ какъ рожденіе ребенка обыкновенно происходило, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь происходитъ, въ банѣ. Въ такомъ смыслѣ финское *pirtti*, заимствовано изъ литовскаго языка, гдѣ есть слово *pirtis* или *pirts* — баня, отъ глагола *perti*, *pert*, парить. Двойственное значеніе слова *pirtti* — баня и комната, объясняется тѣмъ, что въ старину одно и тоже строеніе служило не только жилищемъ, но и другимъ хозяйственнымъ и обиходнымъ назначеніямъ.

Жилище, называемое туба или пыртъ, до сихъ поръ встрѣчается у русскихъ лопарей. Пыртъ или туба — это четырехугольной срубъ*) съ плоской крышей, засыпанной землею; сквозь дверь входятъ въ маленькія сѣни, изъ которыхъ ведутъ двѣ двери, направо — въ нежилое помѣщеніе, гдѣ держатъ обыкновенно овецъ; направо — въ жилую комнату, гдѣ и помѣщается вся лопарская семья. Размѣръ этой комнаты не больше квадратной сажени, высота не болѣе одной сажени, такъ что пыртъ или туба, представляетъ изъ себя почти кубъ. Въ углу у двери поставленъ комелекъ, сложенный изъ неотесанныхъ камней довольно грубо на глинѣ или известкѣ. Подобное же жилище, съ тѣми-же названіями *pörte* или *tuba*, встрѣчалось въ 50-хъ годахъ и у тавастовъ; теперь оно почти исчезло и г. Ретціусу стоило не малаго труда найти этотъ видъ постройки, который онъ считаетъ одной изъ примитивныхъ формъ жилища финновъ. Послѣ долгихъ розысковъ онъ встрѣтилъ наконецъ *pörte*, уже оставленную своими владѣльцами и описываетъ еѣ слѣдующимъ образомъ. Квадратное пространство,**) которое составляло *pörte*, было освѣщено двумя боковыми люками; приблизительно четверть *pörte* занимала большая, сложенная изъ камней печка; полъ состоялъ изъ балокъ; потолка *pörte* не имѣла; сама крыша составляла потолокъ этого помѣщенія; дымъ отъ печки выходилъ черезъ небольшое

*) Н. Харузинъ. Русскіе Лопари (Москва 1890 г.) стр. 99.

***) G. Retzius. Finland. (Schilderungen aus seiner Natur, seiner alten Cultur und seinem heutigen Volksleben). Стр. 65.

отверстіе въ крышѣ, которое при помощи особаго приспособленія могло открываться и закрываться. Подобнаго же рода жилища встрѣчаются по словамъ г. Смирнова*) теперь у пермяковъ, служа съ одной стороны жилищемъ для бѣднѣйшихъ изъ нихъ, съ другой сохранившись, какъ переживаніе, и употребляясь въ качествѣ пивсянъ — керку — бани или лѣсной охотничьей избушки. Постройку, называемую

рис. Н. Астровъ.

Деревенская баня въ имѣніи Колькъ.
Ревельскаго уѣзда.

тупа, мы встрѣчаемъ и у скандинавскихъ лопарей. Дома осѣдлыхъ скандинавскихъ лопарей, говоритъ Кехлинъ-Шварцъ**) образуютъ продолговатый четырехугольникъ, имѣя съ одной стороны дверь, съ другой окно. Черезъ дверь входили въ переднюю, шириной до 2-хъ метровъ; въ этой передней сложенъ почти весь скарбъ лопаря: — бочки, рыболовные сѣти, дрова, сушеная рыба, зимнія одежды, звѣриныя шкуры и т. д. Свѣтъ въ переднюю проникаетъ черезъ дверь за передней идетъ единственная комната, въ которой живутъ, спятъ, готовятъ пищу. Встрѣчаются тамъ скамейки, иногда стулья, хотя сами лопари предпочитаютъ сидѣть на полу, иногда столъ, постель. По стѣнамъ идутъ полки, на которыхъ разставлены принадлежности рыбной ловли и т. п. . . . Всѣ дома построены по одному типу и отличаются лишь размѣрами.

избушки. Постройку, называемую тупа, мы встрѣчаемъ и у скандинавскихъ лопарей.

Дома осѣдлыхъ скандинавскихъ лопарей, говоритъ Кехлинъ-Шварцъ**) образуютъ продолговатый четырехугольникъ, имѣя съ одной стороны дверь, съ другой

рис. Н. Астровъ.

Деревенская баня въ им. Колькъ.
Ревельскаго уѣзда.

Эта изба у скандинавскихъ

*) И. Н. Смирновъ Пермяки (Историко-этнографическій очеркъ) Казань 1891 г. Стр. 194.

**) Koechlin-Schwartz. Un touriste en Lapoine. Стр. 185—186. (Пом. въ „Русскихъ Лопаряхъ“ Н. Харузина. Стр. 97).

лопарей носитьъ названіе тупа, имя, которое обыкновенно придается зимнимъ помѣщеніямъ и у русскихъ лопарей.

Итакъ древнѣйшимъ жилищемъ эстонцевъ былъ шалашъ — kота, затѣмъ saunke и потомъ, благодаря съ одной стороны вліянію болѣе культурныхъ сосѣдей, съ другой — увеличившемуся развитію самихъ эстонцевъ — у нихъ явилась бревенчатая постройка, называемая, аналогично съ другими западными финскими племенами — туба и, помимо названія, аналогичная съ ними и по своему устройству. Типъ этой бревенчатой постройки мы и до сихъ поръ встрѣчаемъ у эстонцевъ въ бобыльей избѣ.

рис. Е. Шарко.

Бобылья изба въ имѣніи Колькѣ. Ревельскаго уѣзда.

Начнемъ съ крыши. Какъ на избахъ бобыльихъ, такъ и вообще на всѣхъ постройкахъ эстонцевъ — мы встрѣчаемъ четырехскатныя крыши; эта характерная черта эстонской постройки является также однимъ изъ отличительныхъ признаковъ послѣдней отъ русской. Вопросъ о происхожденіи четырехскатныхъ крышъ не выясненъ. Быть можетъ эстонцы заимствовали ихъ отъ латышей, которые также имѣли четырехскатныя крыши, быть можетъ отъ кого-нибудь другого, быть можетъ они дошли до этого сами — сказать трудно, но повидимому четырехскатныя крыши сохраняются у финновъ. Проф. Смирновъ предполагаетъ, что финны заимствовали четырехскатныя крыши у русскихъ. Если предположеніе г. Смирнова и справедливо, то заимствованіе это несомнѣнно произошло въ очень отдаленную эпоху, такъ какъ у великороссовъ, сосѣднихъ съ Эстляндіей — теперь общій типъ крыши двухскатный. Сама бобылья изба зданіе очень небольшое: шагъ 6 въ длину, 5 въ ширину; кое-какъ построенная изъ ба-

локъ, досокъ и старыхъ бревенъ. покрытая полусгнившей соломою — она издали походить на шалашъ. Черезъ низкую дверь

рис. Н. Астровъ.

Бобылья изба въ имѣніи Каттентагъ.

Гапсальскаго уѣзда.

вы входите въ ук с а я з и н ь — это узкое, тянущееся во всю ширину избы пространство, отдѣленное стѣною отъ жилого помещенія; здѣсь лежатъ кадушки, лопаты, горшки, всякая рухлядь. .

Изъ уксайзина ведетъ

дверь въ жилое помещеніе въ т у б у. Душный, спертый воздухъ охватываетъ васъ Сквозь небольшое окно, въ квадратный футъ величиною,

закоптѣлое, заклеенное кое-гдѣ бумагой льется тусклый свѣтъ,

смутно озаряя скудную обстановку бѣднаго жилья. Полъ чаще всего земляной; въ углу печь безъ трубы; у одной стѣны кровать, у другой

рис. Н. Астровъ.

Внутренній видъ бобыльи избы въ имѣніи Каттентагъ.

Гапсальскаго уѣзда.

столъ, двѣ, три, кое-какъ сколоченныхъ табуретки — вотъ вся обста-

новка бобыльей избы. Теперь, съ поднятіемъ экономическаго уровня эстонцевъ, этотъ типъ жилищъ начинаетъ мало-по-мало исчезать; прежде онъ встрѣчался гораздо чаще. Исслѣдователь эстонскаго быта 40-хъ годовъ Крузе такъ говоритъ про свое время: „дома эстонцевъ*) жалки, малы, построены изъ балоковъ; это хижины безъ дымовыхъ трубъ. Въ единственной комнатѣ, въ которой живетъ вся семья, находится печка; наверху комнаты, вокругъ стѣнъ, прикрѣплена доска, на которой сушатъ зерно. Оставаться хотя бы нѣсколько минутъ въ подобномъ помѣщеніи просто ужасно; эстонцы же живутъ въ нихъ по цѣлымъ днямъ. Окно въ ихъ домахъ не существуетъ, кромѣ одного, которое помѣщается въ жилой комнатѣ. Оно имѣетъ размѣръ около квадратнаго фута; составлено изъ многихъ осколковъ стекла, склеенныхъ кусочками бумаги.“

Слѣдующимъ за бобыльей избой — жилищемъ у эстонцевъ является изба крестьянина-арендатора. Это длинное (отъ 6—10 сажень) и широкое (отъ 2 до 4½ сажень) зданіе самой простой архитектуры, съ четырехскатной соломенной или тростниковой

рис. Н. Астровъ.

Арендаторская изба въ имѣніи Венденъ. Галсальскаго уѣзда.

крышей; оно дѣлится на двѣ главныя части: — одна занята жилымъ помѣщеніемъ, другая — хозяйственнымъ. Первая почти всегда построена изъ дерева, вторая въ большинствѣ случаевъ каменная. и только у очень бѣдныхъ крестьянъ деревянная. Жилое помѣщеніе дѣлится въ свою очередь на четыре части:

*) K r u s e. Urgeschichte. des estnischen Volksstammes. M. 1846 г. Стр. 25.

- А — „Каммеръ“ (комната для хозяевъ).
 В — „тагумэнэ каммеръ“ (задняя комната).
 С — „уксаязинъ“ (входъ).
 D — „туба“ (комната для батраковъ).

- Е — „рехе-алуне“ (рига).
 F — „ладу“ (складочное мѣсто корма для скота).
 ■■■■■■■ построено изъ камня.
 □□□□□ построено изъ дерева.

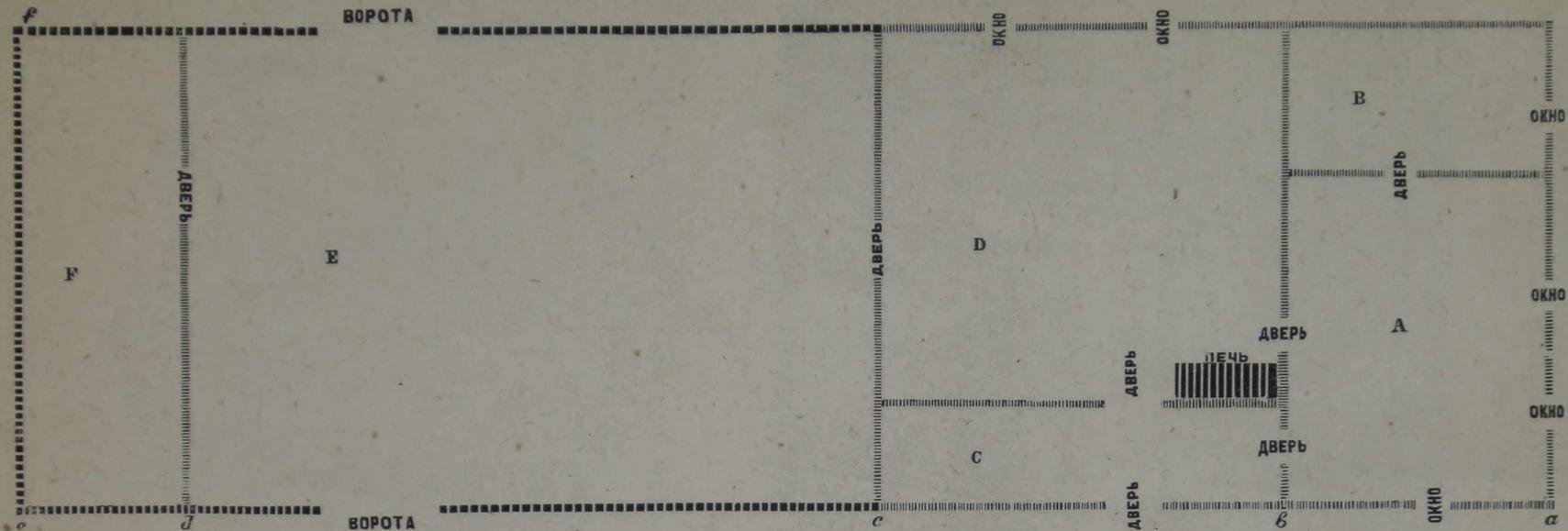

рис. А. Солодовниковъ.

Домъ зажиточнаго крестьянина.

ab — 2 сажени, bc — 3 сажени, cd — 5 сажений, de — $2\frac{1}{2}$ аршина, ef — 3 сажени.

(„Касвандо“, Ревельскаго уѣзда.)

— комнаты: 1) на уксаязинъ — первая комната у входныхъ дверей, служащая чуланомъ и мѣстомъ складки разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, 2) на каммеръ — комнату для хозяевъ. Каммеръ обыкновенно помѣщается направо отъ уксаязина и соединено съ нимъ дверью. Каммеръ это — и столовая, и рабочая, и приѣмная комната хозяевъ; изъ нея идутъ двѣ двери: — одна въ 3-ю часть жилого помѣщенія — тагумэне-каммеръ — спальню хозяевъ и дѣтскую, другая въ четвертую, самую обширную комнату — туба, служащую кухней и вмѣстѣ съ тѣмъ комнатой для взрослыхъ сыновей батраковъ. (Взрослыя

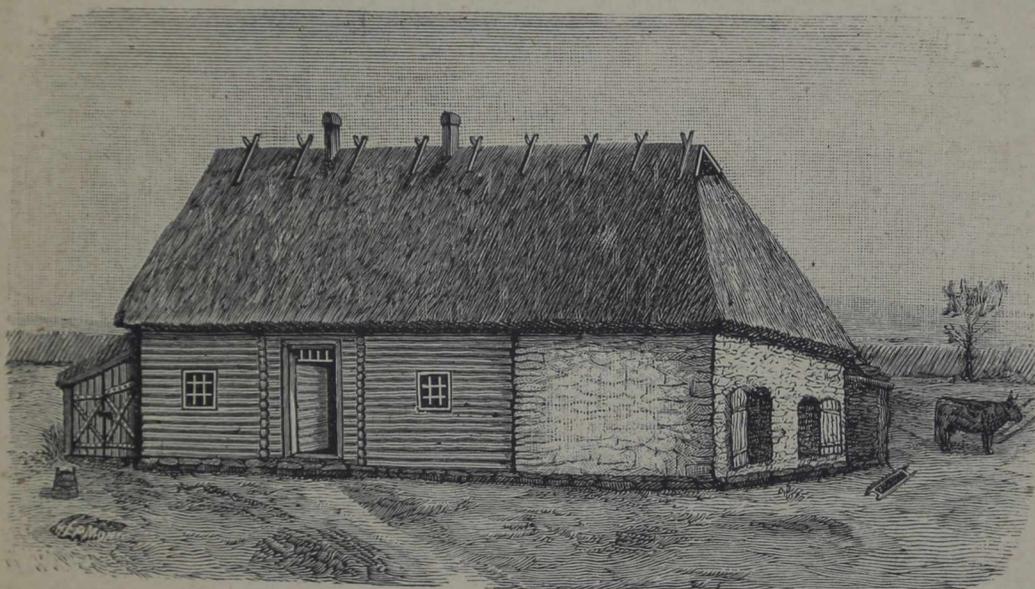

рис. Е. Шарко.

Изда арендатора въ имѣніи Фіюль. Везенбергскаго уѣзда.

дѣвушки зимою спятъ въ каммерѣ).

Таково устройство жилого помѣщенія эстонца-арендатора. Присматриваясь къ нему ближе, мы видимъ здѣсь ту-же тубу, тотъ-же уксаязинъ, что встрѣчается и въ бобылей избѣ; лишними, сравнительно съ послѣдней, комнатами — являются каммеръ и тагумэне-каммеръ, расположенные при томъ обыкновенно съ боку отъ туба и уксаязина. Отсюда можно съ большой достовѣрностью предположить, что каммеръ и тагумэне-каммеръ произошли отъ пристроекъ къ основному типу эстонскаго жилища — къ туба, произошли при томъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ нѣмцевъ, на что и указываетъ ихъ названіе — каммеръ.

Отапливается жилое помещеніе одною печью, помѣщающеюся въ тубѣ, почти исключительно безтрубною, такъ что жилище эстон-

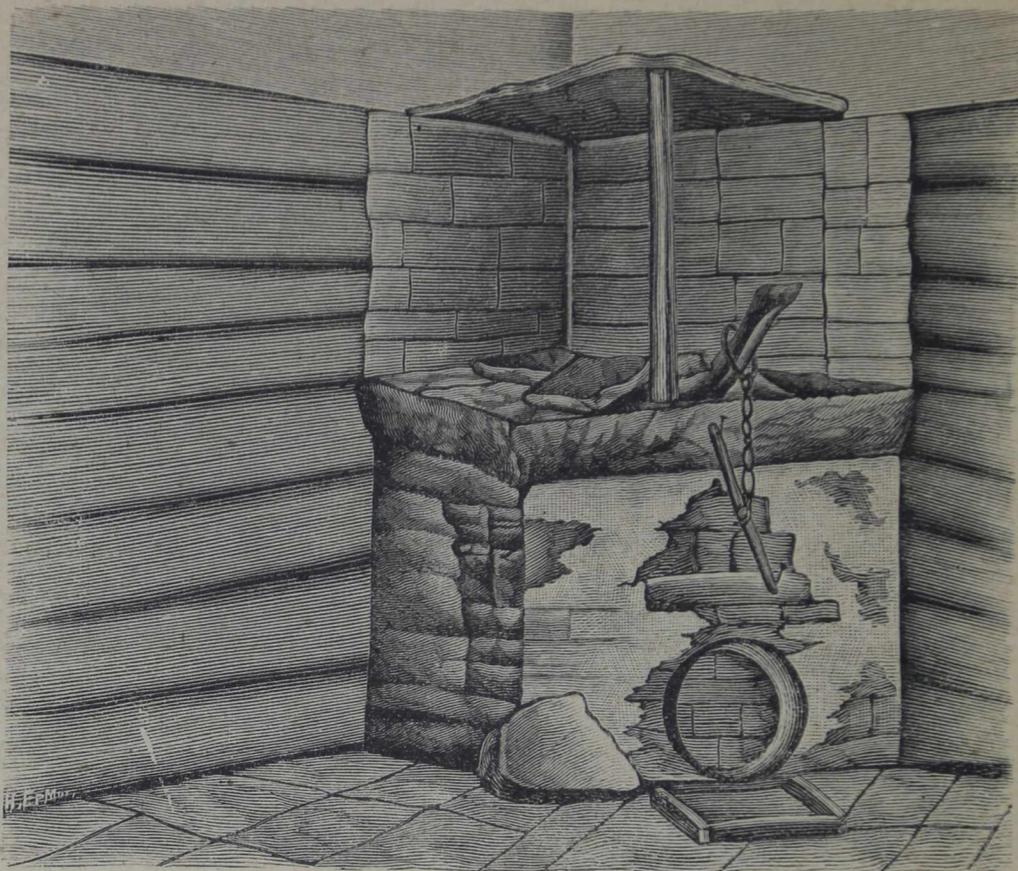

рис. Н. Астровъ.

Старая печь въ Васкъяла. Ревельскаго уѣзда.

цевъ — является курною избою. Помѣщики, отдавая въ аренду землю, строили для своихъ арендаторовъ иногда дома и съ трубными печами; но крестьяне очень неохотно шли на это и предпочитали оставаться на участкахъ, гдѣ были курныя избы. Этотъ фактъ заставлялъ нѣкоторыхъ изслѣдователей эстонскаго быта (напримѣръ Крузе) предполагать, что эстонцы не желаютъ лучшихъ домовъ. Съ этимъ, конечно, нельзя согласиться. Наболѣе вѣроятною причиною такого отношенія крестьянъ къ курнымъ избамъ является съ одной стороны то, что, устроивши лучшія жилища, помѣщики возвышали арендную плату, съ другой стороны то, что отопленіе трубной избы стоило дороже, а такъ какъ лѣсъ является собственностью помѣщика, а не крестьянъ, — то пользованіе печью съ трубою должно было наложить лишнія обязательства на послѣднихъ. Такимъ образомъ, конечно, не сознаніе превосходства курной избы надъ некурною заставляло крестьянъ

держаться безтрубныхъ печей, тѣмъ болѣе, что долгое пребываніе зимою въ тяжелой, насыщенной дымомъ атмосферѣ, пагубно

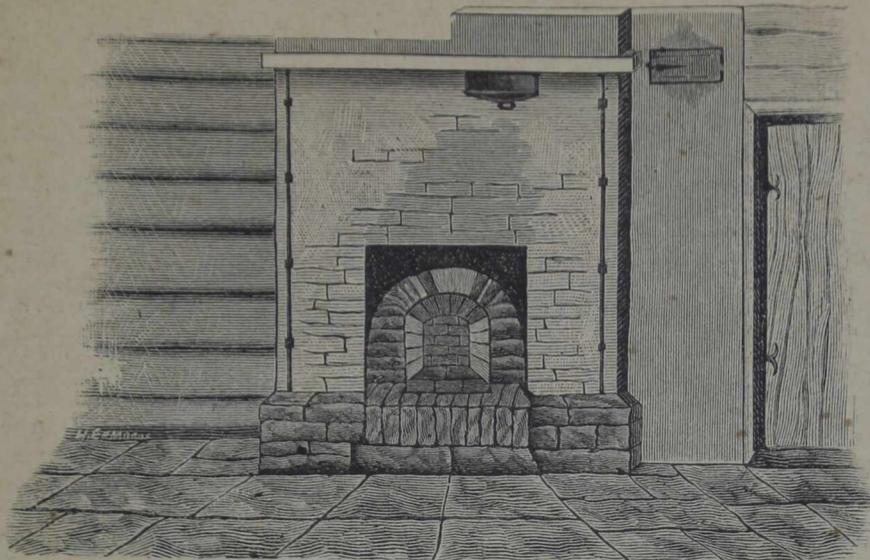

рис. Н. Астровъ.

Печь въ Арокульской корчмѣ. Ревельскаго уѣзда.

отражается на физическомъ здоровьѣ эстонцевъ, чѣмъ и объясняется такое количество слѣпыхъ стариковъ у эстонцевъ, — а низкій экономическій уровень крестьянъ, боязнь увеличенія арендной платы. Эта вынужденная привязанность эстонца къ курной избѣ выработала особыя приспособленія для наилучшаго пользованія доступнымъ имъ отопленіемъ. Приспособленіе это выражается въ устройствѣ передъ наружною входною дверью — санга — полудвери. Этотъ сангъ устроенъ для того, чтобы было меньше доступа холодному воздуху извнѣ, когда открыта наружная дверь, съ цѣлю выпустить дымъ.

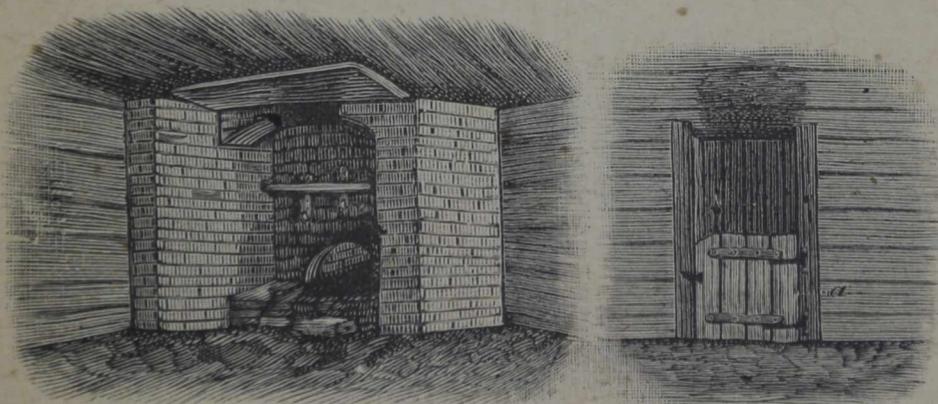

рис. Е. Шарко.

Печь въ бобылей избѣ съ приспособленіемъ для котла и дверь съ сангомъ.

Имѣніе Фіоль. Везенбергскій уѣздъ.

Дверь — уксь. а) сангъ — полудверь; устроена для того, чтобы не было доступа холодному воздуху извнѣ, когда открыта дверь (уксь) съ цѣлю выпустить дымъ.

Вторая часть эстонскаго дома — хозяйственная, несомненно тоже является позднѣйшей пристройкой, на что уже указываетъ вышеупомянутая разница строительныхъ матеріаловъ. Эта хозяйственная часть имѣетъ обыкновенно два отдѣленія. Первое, соединенное небольшою дверью съ туба — называется рехе-алуна. Въ ней обыкновенно хранится еще необмолоченный хлѣбъ и болѣе цѣнныя вещи хозяйственнаго инвентаря. Изъ рехе-алуна есть выѣздъ на дворъ черезъ большія двухстворчатыя ворота. Вторая часть, соединенная дверью съ рехе-алуна, — называется ладу и служитъ иногда складочнымъ мѣстомъ зерноваго корма для скота, иногда чуланомъ.

Помимо этого хозяйственно-жилого строенія на дворѣ эстонца помѣщаются разныя хозяйственныя постройки; стоятъ они на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга для безопасности на случай пожара. Прямо противъ дома помѣщается обыкновенно длинное зданіе (длиной до 6 сажень, шириной до 2-хъ), вмѣщающее въ себѣ айтъ — амбаръ, вахеонэ — сарай для телѣгъ и лаутъ — хлѣвъ. Лаутъ очень часто строится изъ камня. Иногда вмѣсто одного этого зданія, имѣющаго три назначенія, строятся и три отдѣльныхъ, обособленныхъ помѣщенія, иногда два. Кромѣ описанной постройки на эстонскомъ дворѣ находятся еще слѣдующія строенія: рехэ — рига и вмѣстѣ

рис. А. Солодовниковъ.

Рига участка Васкъяла.

съ тѣмъ сѣнной сарай, соединенный иногда съ помѣщеніемъ, гдѣ хранятся разныя запасныя орудія хозяйственнаго инвентаря. Затѣмъ слѣдуютъ: лѣтняя кухня и баня, послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается не во всѣхъ дворахъ. Постройка лѣтней кухни самая несложная. Стѣны иногда кое-какъ сколочены изъ досокъ, иногда плетевыя; въ углу очагъ съ приспособленіями для при-

вѣшиванія котла, горшковъ, вертела, затѣмъ столъ и ничего больше. О характерѣ постройки бани — было уже упомянуто выше. Здѣсь же приведемъ, къ случаю, любопытное мнѣніе

Альквиста о томъ, откуда появился у эстонцевъ самый обычный пользованія баней.

Альквистъ думаетъ*), что обычный париться въ баняхъ не коренной финскій, а усвоенный отъ

рис. Н. Астровъ.

Лѣтняя кухня въ имѣніи Венденъ.

Гапсальскаго уѣзда.

другихъ народовъ. Родина теплыхъ бань во всякомъ случаѣ на востокѣ; но между прародиной финскаго племени и тѣми извѣженными народами, которые ввели въ употребленіе бани и издревле ими пользуются, простираются степи, кочевые обитатели которыхъ не знали никакой заботы о своемъ тѣлѣ. По всей вѣроятности употребленіе бань въ раннее время перенесено было съ востока къ грекамъ и римлянамъ, изъ Византіи перешло къ славянамъ, а отъ нихъ къ литовцамъ и ихъ германскимъ сосѣдямъ на Балтійскомъ морѣ. Тутъ вѣроятно познакомились съ банями и финны . . .

Таковъ типъ усадьбы эстонца арендатора средней руки. Этотъ типъ варьируется сообразно съ зажиточностью арендатора и съ отношеніемъ къ нему помѣщика. Гдѣ послѣднее лучше и крестьянинъ богаче — тамъ и усадьба лучше, строенія прочнѣе, въ избѣ больше чистоты и удобства . . . Въ общемъ же крестьяне арендаторы живутъ очень и очень скромно и бѣдно, во всемъ себѣ отказывая. Проистекаетъ это отчасти отъ самой экономической необезпеченности эстонцевъ, отчасти и отъ другой причины: — мечта всякаго арендатора — имѣть собственный участокъ. Чтобы осуществить эту мечту, хотя-бы въ отдаленномъ будущемъ всякій хорошій хозяинъ-эстонецъ арендаторъ старается

*) О древней культурѣ западныхъ финновъ. Ж. М. Н. II. Часть 192.

скопить какъ можно больше денегъ, ограничивая себя и свою семью во всемъ. стараясь сократить до мнѣйшаго свои насущ-

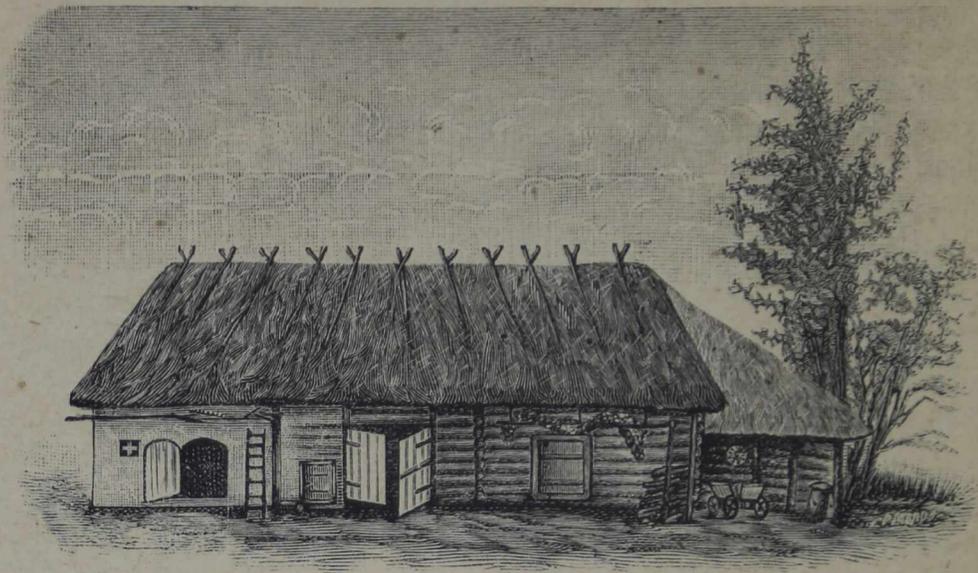

рис. Н. Астроев.

Крестьянскій домъ.

ныя потребности. Онъ ходитъ въ поношенной одеждѣ, питается скудно, а сбереженія откладываетъ. Сбереженій этихъ скопить надо очень много, такъ какъ условія выкупа аренднаго участка въ собственность требуютъ большихъ денежныхъ затратъ. Хуторъ въ 30—40 десятиинъ, съ котораго платится аренды 100 руб. въ годъ, продается не менѣе 2500 руб. Если крестьянинъ не можетъ уплатить всю эту сумму сразу (а уплата всей суммы сразу — исключительный случай) то платежъ разсрочивается обыкновенно такимъ образомъ: — крестьянинъ долженъ уплатить 500 руб. задатка, а съ остальныхъ 2000 руб., выплачивать проценты 100—120 руб., такъ что съ расходами на объявленія, планы и прочіе формальности купли-продажи, платежи собственника значительно превышаютъ плату арендатора. Кромѣ того цѣны на землю поднимаютъ также и то обстоятельство, что уступка участковъ крестьянамъ совершается не иначе, какъ по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, причемъ арендныя земли могутъ продаваться и лицамъ постороннимъ, не крестьянамъ.

Какъ только эстонскій крестьянинъ перешелъ изъ разряда арендаторовъ — въ собственники, особенно, если ему удалось

вполнѣ выкупить свой участокъ, расплатиться съ долгами, сдѣланными по этому поводу — онъ измѣняетъ свой образъ жизни. Домъ расширяется, печи дѣлаются съ трубами, внутренняя обстановка мѣняется, начинаетъ отличаться благоустройствомъ, стремленіемъ къ удобству. Надворныя хозяйственныя постройки улучшаются. . . . У нѣкоторыхъ, пока очень немногихъ, крестьянъ, сдѣлавшихся собственниками уже давно, владѣющихъ участками въ 70—100 десятинъ, — встрѣчаются усадьбы прямо богатая, снабженныя почти всѣми удобствами заправской помѣщичьей усадьбы. . . . Внутренняя обстановка дома городская — занавѣски и цвѣты на окнахъ, олеографіи и фотографіи по стѣнамъ, иногда и мягкая мебель. . . . Около дома, по положенію своему уже далеко опередившаго арендаторское жилое помѣщеніе, — разбитъ садикъ съ дорожками, усыпанными пескомъ, съ клумбами цвѣтовъ и фруктовыми деревьями.

рис. А. Солодовникъ.

Крестьянская усадьба „Васкъяла“. Ревельскаго уѣзда.

Итакъ, если смотрѣть на жилища собственниковъ, въ особенности богатыхъ, то мы увидимъ, что ихъ жилище далеко отклонилось отъ древнихъ формъ эстонскаго жилья; въ немъ исчезла даже туба и тонъ ихъ мало отличается отъ небогатаго помѣщичьяго дома; но если мы взглянемъ на жилище, которымъ пользуется теперь большая часть крестьянъ Эстляндской губерніи — именно арендаторы, то мы увидимъ, что это жилище представляетъ изъ себя сосуществованіе рядомъ построекъ по формѣ и происхожденію своему, относящихся къ различнымъ эпохамъ и рисующихъ различныя стадіи развитія эстонскаго жилища. Появившіеся уже въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ нѣмцевъ

— каммеры — строятся около тубы, являющейся въ исторіи развитія обще-финскаго жилища — третьей формой, на дворѣ еще встрѣчается saunke — землянка — форма, предшествовавшая тубѣ, утратившая въ настоящее время уже значеніе жилища и обращенная или въ погребъ или въ баню; лишь самый первобытный видъ жилища — kota — шалашъ, подъ вліяніемъ развитія и экономическаго благосостоянія народа, насколько намъ извѣстно, совершенно исчезъ у эстонцевъ Эстляндской губерніи, живущихъ на материкѣ.*)

А. Солодовниковъ.

*) Гейкель (о. с.) указываетъ впрочемъ, что kota — шалашъ сохраняется до настоящаго времени въ качествѣ кухни на островѣ Даго.

М. О Г И З
изд. № 14
ц. 1 р.

445

17